

УДК 316.422.4

«МНОЖЕСТВЕННЫЕ СОВРЕМЕННОСТИ»: ДИАЛЕКТИКА ЕДИНСТВА И РАЗНООБРАЗИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Иванов А.В.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, e-mail: ivanovaw@info.sgu.ru

В статье обсуждаются различные исследовательские перспективы теории модернизации. Концептуальной базой исследования является теория Ш. Эйзенштадта о радикальном различии между западным и восточно-азиатским типом современности. Идея о множественности модерна меняет категориальный аппарат, используемый современной социальной наукой в определении сущности модернизации. В отличие от концепции «множественных современностей», неомодернистская теория, основанная на модели строгого структурного соответствия между базовыми институтами модерна, акцентирует внимание на растущей унификации современных обществ. Концепция «множественных современностей», напротив, фокусируется на культурном разнообразии модерна. Однако в связи с растущей структурной взаимозависимостью в условиях продолжающейся глобализации эти концепции представляются недостаточными. Выдвигаемая гипотеза о диалектике универсальности и множественности модерна направлена на решение этой проблемы через выявление внутреннего единства социокультурного и институционального измерения современного социума. Данный подход должен ориентироваться на следующие положения: 1) многовариантность траекторий модернизации, решающее воздействие процессов трансформации и глобализации; 2) влияние международных связей между различными цивилизационными типами обществ.

Ключевые слова: модерн, концепция «множественных современностей», социокультурная эволюция, институциональная динамика, единство, разнообразие, конвергенция, дивергенция, зависимость от траектории предшествующего развития, цивилизационный анализ, теория общества

MULTIPLE MODERNITIES: DIALECTIC OF UNITY AND DIVERSITY IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Ivanov A.V.

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, e-mail: ivanovaw@info.sgu.ru

The article discusses different research perspectives of the concept of modernization. Conceptual and methodological foundation of the study is based on the theory of S. Eisenstadt's that East Asia constitutes a distinct modernity, one that differs from Western modernity. The idea of a variety modifies the current conceptual system that modern social science has to offer for the definition of modernization. In contrast to the concept of multiple patterns of modernity, neo-modernization theory claims the growing similarity between modern societies. This is based on the model of the fixed interdependencies of the basic modern institutions. Concept of multiple modernities focuses on a primarily cultural diversity of modernity. In view of increasing structural interdependencies during the ongoing process of globalization this seems no longer sufficient. Our proposal of a dialectic mediation of diversity and unity intends to dissolve that problem by merging the cultural and institutional dimensions of modernity. Such an approach needs to focus on: 1) the multiplicity of modernizations trajectories, particularly in view of the transformation and globalization processes; 2) the international and inter-civilizational relations between civilizational complexes.

Keywords: modernity, multiple modernities, cultural and social evolution, institutional dynamics, diversity, unity, convergence, divergence, path dependency, civilizational analysis, theory of society

Концепция «множественных современностей» (*multiple modernities*), разработанная израильским ученым Шмуэлем Эйзенштадтом (1923–2010), представляет собой одну из самых известных попыток критического преодоления классической евроцентристской парадигмы модернизации и затрагивает глубинный пласт проблем новейших цивилизационно-исторических исследований, основное место среди которых занимает вопрос о случайности и закономерности формирования современных обществ, дилемма о единстве и множественности модерна, возможности его генезиса в различных цивилизациях за пределами Европы. Ведущую роль в концепции автора играет положение о глубинной онтологической укорененности проекта модерна в религиозно-духовной сфере

цивилизаций «осевого времени», а также принципиальное убеждение, что европейский путь модернизации не является единственно возможным. Большое внимание также уделяется выявлению взаимосвязи между социальным действием, социальной структурой и культурой современных обществ, осмыслению роли протестных движений и потенциала политических элит в процессе перехода к состоянию модерна. Перспектива децентрированного описания современных обществ с позиций плюралистического цивилизационного подхода была обозначена в самых ранних трудах Эйзенштадта, но особенно ярко идеи плюрализма в интерпретации модерна воплотились в «Антиномиях современности» (1998), а также в ряде других более поздних произведений [2, 4].

В своих многочисленных историко-социологических исследованиях Эйзенштадт утверждает, что эволюция социальных институтов и процессы развития культурно-символической сферы цивилизации в известной степени автономны и могут протекать параллельно, а переход к модерну было бы заблуждением отождествлять с вестернизацией. Современное состояние общества связано, прежде всего, с принципиально новым уровнем социокультурной динамики и интенсификацией развития, достигаемое за счет более эффективного сочетания институциональных и ценностных структур, которое активизирует внутренний творческий ресурс социума. Каждая цивилизация «осевого времени» способна генерировать свой собственный проект «современности» (модерна) на основе заложенного в ней духовного потенциала, воплощая его в соответствующих достижениях в области культуры, социальной организации, технологий и т.д. Из этого следует, что нацеленность на изменение и трансформацию мира как важнейшая особенность модерна не представляется исключительной чертой западной христианской цивилизации, а является внутренним потенциалом, характерным для всех цивилизаций «осевого времени». Следовательно, теория «множественных современностей» отвергает фундаментальность и космополитичность западного проекта «современности». Согласно Эйзенштадту, единого и универсального модерна не существует, речь может идти только о возможности существования различных проектов западного и восточного типа, формирующихся естественным образом или возникающих в ходе конфронтации, копирования, парциального воспроизведения достижений западной цивилизации в условиях, отличающихся от контекста ее зарождения. В этом последнем случае определяющую роль играют цивилизационная и культурная специфика конкретного социума. Но это однако не исключает, что общества современного типа могут обладать набором общих признаков.

Сравнительные исследования цивилизаций Эйзенштадта продемонстрировали глубинную роль онтологических контекстов и конфликтную природу модерна, направив дальнейшее развитие исторической социологии, социологии религии и постколониальных исследований в социокультурное русло. Теория Эйзенштадта вызвала огромный интерес среди зарубежных и отечественных исследователей, найдя отклик в многочисленных публикациях и дискуссиях, не прекращающихся до сих пор. Сторонники концепции «мно-

жественных современностей» (Йохан Арнасон, Давид Инглис, Вильфред Шпон, Вольфганг Кнёбль и др.) использовали отдельные положения плюралистической теории для анализа различных вариантов модерна [5, 7, 13]. Оппоненты и критики Эйзенштадта (например, Фолькер Шмидт, Томас Швинн), в основном последователи глобализационно-модернизационного направления, указывают, что модернизация является универсальным и в первую очередь европейским проектом, а ее многовариантность следует трактовать как результат адаптации отдельных элементов ценностно-институциональной матрицы модерна различными цивилизациями, которые начинают интерпретировать модернизацию в качестве вызова собственному существованию, создают аксиологическую основу для ее усвоения и традиционалистской легитимации [10, 12]. Следовательно, о плюрализме может идти речь только в рамках существования единого содержательного ядра во всех «множественных модернизи», а сама множественность есть ни что иное, как избирательность реакций модернизирующихся обществ, адаптация отдельных компонентов модернизационного проекта к национальному контексту. То есть различные формы модерна суть формы единого, доминирующего содержания. Говоря о множественности идеологических констелляций институциональных конфигураций модернизи, следует учитывать наличие общего ядра или общих черт «культурной программы современности», существование которых не отрицает и сам Эйзенштадт. К числу этих черт относится «новое представление о человеческом действии – автономное Я»; «интенсивная рефлексивность»; множественность ролей за пределами узких, устойчивых, сплоченных общин (транслокальные общины); стертость различий между центром и периферией; включение в культурное ядро тем и символов протеста, «равенства и свободы, справедливости и автономии, солидарности и идентичности»; идея прогресса и понимание истории как «проекта» (господства над природой) [3, Р. 3.]. Нетрудно заметить, что концепция Эйзенштадта представляет собой дальнейшее развитие теории локальных цивилизаций, отвергающей идею о конвергенции и гомогенизации общества в процессе развития. Плюралистическая концепция отражает и другие важнейшие эпистемологические изменения в модернизационных исследованиях последних десятилетий. «Изменение взгляда на соотношение единства и разнообразия в современном мире, – пишет Арна-

сон, – открыло новые перспективы на более принципиальном аналитическом уровне; лучшее понимание многообразных конфигураций (различные национальные, региональные и потенциально глобальные паттерны современности) отражает более ясное осознание множества уровней и компонентов, участвовавших в формировании современных обществ...» [1, Р. 64].

Стремление противопоставить евроцентристским моделям модернизации идеи плюральности и многообразия, устраняющее иллюзорное представление о европейском пути развития как неизбежной «судьбе» мировой цивилизации, порождает ошибочный вывод о самостоятельности и уникальности различных вариантов модернити, игнорируя при этом гегемонистскую структуру миросистемы глобального капитализма, основанной на технико-экономическом и социокультурном доминировании Запада над странами периферии и полупериферии. С другой стороны, осознание западного модерна как универсальной матрицы сталкивается с очевидным упущением — эссенциализацией модерна, невниманием к случайным (контингентным) факторам его становления. По этой причине аргументы против Эйзенштадта и его теории не являются окончательными, а требуют более глубокого анализа цивилизационных контекстов модернизации. В этом смысле исследование Вольфганга Кнёбля, автора оригинального макросоциологического исследования «Контингентность модерна» (2007), представляет значительный интерес для понимания дальнейшей логики развития программы «множественных модернити».

Центральным положением Кнёбля является утверждение, что «появление европейского (американского) модерна, особенно проекта индустриализации, обязательно контингентным историческим обстоятельствам» [6, S. 11]. Развивая теорию «контингентного модерна» на основе масштабного анализа теорий модернизации, начиная от классических и заканчивая новейшими (теория мирового общества Н. Лумана, концепция миросистемы, теория диффузии и концепция парциальной модернизации, теория глобализации и др.), подробно рассматривая зарождение американского проекта модернизации как прямого противопоставления европейскому (при этом этот американский проект рассматривается как радикализация европейского), автор критикует оторванность макросоциологических теорий от анализа локальных социокультурных факторов, а также недостаточное

внимание социологов к исследованию роли социально-исторической контингентности. В теории «множественных модернити» Эйзенштадта он видит предпосылку для фундаментального осмысления модерна как имманентного процесса саморазвития западной цивилизации, в реальности инициированного взаимодействием множества социально-исторических факторов, некоторые из которых носят закономерный, а другие – случайный (контингентный) характер.

В данном случае сразу необходимо пояснить, в каком именно контексте понимается термин «контингентность».

1. Во-первых, этим термином обозначается совокупность случайных событий, выступающих в роли катализатора процессов и явлений, влекущих их реализацию в качестве непреднамеренных последствий.

2. Во-вторых, это вариация множественных случайных условий, необходимых для изменения какой-либо ситуации (например, модернизация предполагает сочетаемость технических инноваций с набором институциональных и социокультурных условий, однако результат их синтеза в каждом конкретном случае может носить уникальный и неповторимый характер, что может осложнять попытку подобных экспериментов в других социокультурных контекстах).

3. В-третьих, контингентность социально-исторического развития общества может рассматриваться как эквифинальность (множественность путей достижения единой цели) и мультифинальность (множественность путей эволюции, ведущих к качественно различным состояниям). Именно в этом русле разрабатывалась теория множественных модернити Эйзенштадта, а также концепция Баррингтона Мура, предложившего концепцию трех путей генезиса модерна: авторитарного, демократического, революционного.

Нередко концепции контингентности противопоставляется неинституционалистская теория о зависимости общества от предыдущего пути развития (*path dependence*), разработанная в русле экономической теории, отдельные положения которой присутствуют и в теории Эйзенштадта. Одним из проявлений этой зависимости является феномен так называемой возрастающей отдачи (*increasing returns*) в эволюции экономических институтов и социальных систем. Как полагают сторонники эволюционного подхода, в результате сочетания контингентных процессов в условиях нестабильности систем

возникает новая «критическая точка сборки» системы (*critical juncture*), формирующаяся на основе конфигурации случайных факторов и направляющая развитие общества в новое русло, а институты в дальнейшем только усиливают эффект зависимости движения от выбранной траектории. Опираясь на концепцию контингентности, Кнёбль подчеркивает, что в ходе «масштабной реконструкции истории мировых цивилизаций Эйзенштадт едва ли касается проблемы реальных эмпирических механизмов воспроизводства и самосохранения культурных программ современности» [6, S. 96]. При этом автор выделяет три основных механизма институциональной стабилизации в условиях зависимости от предыдущего пути развития – обеспечение устойчивости системы через поддержание культурной традиции, институционализацию религиозной сферы, воспроизводство через принудительно-политическую мобилизацию, укрепление институтов власти и контроля, исследуя подробно прежде всего политические механизмы.

В результате Кнёбль отвергает крайнюю версию теории предопределенного развития, допуская в развитии социальных систем как следование, так и отказ от заданной траектории, поскольку, по его мнению, контингентность возникает не только в момент структурирования системы в точке бифуркации, но имманентно присутствует в любой точке траектории эволюционной динамики. К тому же стабильность системы возможна лишь в промежутке развития системы от одной критической фазы развития к другой, а о критических точках в развитии институтов, социально-исторических систем можно говорить только с позиций ретроспективного анализа. В условиях глобализации модерна возникает другая ситуация. Среда современного общества – это принципиально открытое (контингентное) пространство возможностей, в котором результаты принятия прошлых решений хотя и ограничивают варианты поведения в настоящем и в будущем, однако не детерминируют выбор полностью. «Зависимость от траектории предшествующего развития, – как об этом пишет Дуглас Норт, – концептуально сужает набор альтернатив и обуславливает связь между решениями, принимаемыми в разное время. Но речь совсем не идет о том, что прошлое неотвратимо и безальтернативно предопределяет будущее» [9, P. 98]. Основную роль в переосмыслении данных процессов играют глобализация и темпорализация социального пространства.

Сущностным элементом понятия модернити является дихотомия между традицией (прошлым) и современностью (настоящим), задающая вектор поступательного развития и делающая современное общество принципиально открытым для будущего. Иными словами, в основе современности лежит рефлексивная темпорализация, благодаря которой современный социум становится обществом постоянно усиливающейся перманентной трансформации. Модерн является исторической категорией, не предполагающей возможности окончательно определить все многообразие конститутивных признаков, поскольку их вариация может обновляться, изменяться и замещаться другими в ходе последующих стадий развития, оставляя и фиксируя достижения предыдущих фаз модернизации в качестве традиций, ценностей. Как остроумно выразился Н. Луман, подчеркивая парадоксальность в осмыслении природы модерна, «признаки модерна сегодня уже не являются такими, какими они были вчера, и уже не будут оставаться таковыми завтра, и в этом и состоит их современность» [8, S. 15]. Итак, в общеисторической перспективе контингентность является важнейшей чертой модерна, становясь в теоретико-эпистемологическом плане предпосылкой для постоянной дивергенции теоретических концептов современности, самой радикальной из которых, видимо, и является теория «множественных модернити». Именно в этой концепции модернизации отсутствует скрытый нормативный императив, предполагающий понимание западной модели в качестве универсального образца развития мировой цивилизации. Это означает, что не все теории модерна являются теориями модернизации, однако это вовсе не исключает, что в различных парадигмах (нарративах) модерна могут быть скрыты модернизационные интенции.

При этом сторонники теории «множественных модернити» пытаются переосмыслить установку классической модернизации об инвариантности взаимосвязи культурных и экономических институтов. Как известно, классический модерн как системное образование стал возможным на основе синтеза базовых институтов, норм и ценностных установок западноевропейской цивилизации, сочетание которых было принято первоначально в качестве инвариантного условия осуществления успешной модернизации в других регионах мира. Напротив, модерн, возникающий в условиях глобализации, предполагает обширную вариацию традиционных,

современных институтов и ценностей, отличается он от классической модели также более разнообразными способами их артикуляции. Волна сравнительных исследований последних двадцати лет, проведенных в разных странах, продемонстрировали «цветущую сложность» глобального мира, сосуществование в нем различных типов демократии и политических институтов, разнообразие моделей капитализма и гражданского общества. Успехи «восточно-азиатских тигров» (Япония, Корея, Китай, Сингапур) позволили говорить об уникальном восточном пути модернизации и побудили исследователей постепенно пересмотреть свое отношение классической концепции модерна.

Конечно, пространство вариативности, сочетание различных ценностно-институциональных характеристик модерна имеет свои пределы, и некоторые разновидности модернизируются являются более успешными (китайский капитализм без демократии), чем другие (советская демократия без рыночной экономики). К тому же общества множественного модерна как субъекты модернизации в условиях глобализации вовсе не стремятся заново изобрести институты и технологии, продемонстрировавшие в остальном мире свою эффективность, а те из них, кто уже успешно осуществил модернизационный прорыв, изменили историко-эволюционный контекст развития не только для себя, но и для всех остальных цивилизаций, стран и регионов, инициировав интенсивный обмен ценностями и инновациями между участниками модернизационного пула, в число которых сегодня уже не входят исключительно страны западного мира. Поэтому в современном контексте процесс модернизации – это вовсе не стремление к самостийному «китайскому», «российскому», «бразильскому» модерну, а участие в глобальной модернизации, в которой участники этого процесса, уже прошедшие определенный путь модернизационной трансформации (первичной, вторичной, третичной), участвуют в выработке, адаптации новых моделей развития, усиливающих их способность находить и реализовывать стратегии устойчивого инновационного развития. Однако само развитие возможно только в границах функционально открытой социальной системы, формирование которой, начиная с Макса Вебера, связывалось с прогрессирующей технизацией, рационализацией, индивидуализацией общественной жизни, секуляризацией и генерализацией ценностей, формирова-

нием принципиально нового типа личности, ориентированной на активное преобразование мира, становлением рыночной экономики, основанной на частной собственности и конкуренции, а также развитием демократических институтов и гражданского общества. Все эти черты в той или иной степени характерны всем модернизированным обществам.

Можно утверждать, что феномен модерна несет в себе отпечаток единства и множественности, контингентности (случайности) и закономерности, которые не исключают, а предполагают и дополняют друг друга как элементы диалектического синтеза. С этих позиций можно констатировать наличие относительно стабильного инвариантного набора конститутивных признаков модерна, который с течением может меняться и эволюционировать в различных социально-исторических моделях. Многообразие видов модернизируются можно охарактеризовать через систему специфицирующих признаков:

1) различие в способах институциональной артикуляции базовых ценностей и принципов модерна;

2) различие в способности к созданию и трансляции привлекательных ценностей, образцов развития; отличие в степени открытости и способности оказывать влияние на внешний цивилизационный контекст;

3) дифференциация по степени эффективности, оптимальности сочетания традиционных и современных институтов; градация по характеру соответствия создаваемых институтов ценностным основаниям локальных цивилизаций, поведенческим практикам, габитальным структурам и неформальным правилам и т.д.

Таким образом, подводя итоги, можно заключить, что модернизация как противоречивое и нелинейное явление глобального мира представляет собой радикальный, многомерный, многоступенчатый и масштабный исторический процесс трансформации современного общества, его институциональной и социокультурной среды, охватывающий все социальные подсистемы, ведущий к формированию эффективно функционирующих институциональных комплексов, поддерживающих и усиливающих социальный ароморфоз или идиоадаптацию на основе положительной обратной связи между всеми элементами социокультурной системы.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-33-01215.

Список литературы/References

1. Arnason, Johann. 2000. *Communism and Modernity*. Daedalus 129(1): 61–90.
2. Eisenstadt, Shmuel N. 1998. *Die Antinomien der Moderne. Die jakobinischen Grundzüge der Moderne und des Fundamentalismus. Heterodoxien, Utopismus und Jakobinismus in der Konstitution fundamentalistischer Bewegungen*. Frankfurt a. M. Suhrkamp.
3. Eisenstadt, Shmuel N. 2000. *Multiple modernities*. Daedalus 129 (1): 1–30.
4. Eisenstadt, Shmuel N. 2011. *Die Vielfalt der Moderne*. Weilerswist: Velbrück.
5. Inglis, David. 2010. *Civilizations or globalization(s)? Intellectual rapprochements and historical world-visions*. European Journal of Social Theory 13:135–152.
6. Knöbl, Wolfgang. 2007. *Die Kontingenz der Moderne. Wege in Europa, Asien und Amerika*. Frankfurt a. M.: Campus.
7. Knöbl, Wolfgang. 2010. *Path dependency and civilizational analysis. Methodological challenges and theoretical tasks*. European Journal of Social Theory 13:83–97.
8. Luhmann, Niklas 1992. *Das Moderne der modernen Gesellschaft In ders., Beobachtungen der Moderne* (S. 11-49) Opladen: Westdeutscher Verlag.
9. North, Douglass Cecil (1990): *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University
10. Schmidt, Volker H. 2010. *Die ostasiatische Moderne – eine Moderne, eigener Art?* Berliner Journal für Soziologie 20:123–152.
11. Schwinn T. (hrsg.) (2006). *Die Vielfalt und Einheit der Moderne. Kultur- und strukturvergleichende Analysen*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
12. Schwinn, Thomas. 2009. *Multiple Modernities: Konkurrierende Thesen und offene Fragen*. Ein Literaturbericht in konstruktiver Absicht. Zeitschrift für Soziologie 38:454–476.
13. Spohn, Willfried. 2011. *An appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt's global historical sociology*. Journal of Classical Sociology 11 (3): 281–301.

Рецензенты:

Орлов М.О., д.ф.н., декан философского факультета, профессор кафедры теологии и религиоведения, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов;

Беляев Е.И., д.ф.н., профессор кафедры теоретической и социальной философии, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов.

Работа поступила в редакцию 11.04.2014.